

ВЗР6
КМЛ
Л14

К О Н С Т А Н Т И Н Л А Г У Н О В

Здравствуй, Тюменская нефть!

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“, МОСКВА • 1982

A landscape painting in a style reminiscent of early 20th-century art, possibly a watercolor or gouache. The scene depicts a wide valley with a river or stream winding through it. The valley is flanked by dense forests of evergreen trees. In the foreground, a brown paper label is partially visible, featuring the handwritten number '297291'. The painting uses a palette of greens, blues, and browns, with visible brushstrokes and a slightly textured appearance. The overall composition is horizontal, emphasizing the expanse of the landscape.

297291

84Р6
КМЛ
114

КОНСТАНТИН ЛАГУНОВ

Здравствуй, Тюменская нефть!

297291

*Рисунки
С. Профимова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО „МАЛЫШ“
МОСКВА • 1982

НОЧЬ

Тайга — это огромный дремучий лес.
Без конца и без края.
Днём тайга — зелёная. Ночью — чёрная.
Ночью в ней темно и сыро.
И тихо.

Только слышно, как глухо и угрюмо ворчит верховой ветер, запутавшись в густых колючих космах великанов кедров.

На дне глубокого буерака, густо заросшего боярышником, рябиной и черёмухой, крепко спит косолапый хозяин тайги — медведь. Днём он до отвала наелся сочной малины и теперь посапывает на куче прошлогодней листвы.

Спит белка с бельчатами в уютном и тёплом дупле.

А на лесной полянке, меж двух невысоких густых ёлочек, устроилась на ночлег лосиха со своим малышом — совсем ещё крохотным жёлтым лосёнком. Весь день он вместе с лосихой бродил по тайге. И всё, что увидел за день, видит теперь во сне. Снится ему, как он узнал, что нельзя совать нос в муравейник. Настырные, вёрткие проныры муравьи сразу заползут

в ноздри, уши и глаза — выгони-ка их потом оттуда. Снится ему, как пахнет большая серая рысь, которая наверняка разорвала бы его, если бы не заступилась мама. Как увидел во сне ту страшную рысь, сразу проснулся. Лосиха лизнула лосёнка в нос. Успокоенный малыш снова уснул.

А лосиха ещё долго не спала. Её чуткое ухо слышало, как где-то рядом, по-комариному тонко, позванивал прозрачный студёный родничок.

Как пролетела над поляной сова.

Как покашливал в своей норке старичок бурундучок.

Как далеко-далеко отсюда глубоко и тяжело вздыхала буровая. Оттуда ветер приносил острый запах металла и гари. А ещё оттуда пахло человеком...

РЫСЬ

Перед самым рассветом поляну, где спала лосиха с лосёнком, затопил серый туман. Он беззвучно бился о стволы деревьев. Рваными хлопьями повисал на еловых лапах.

Но вот откуда-то примчался ветер. Начал он трепать, раздёргивать туман. И сразу посветлело на поляне, стали видны две маленькие ёлочки и лосиха с лосёнком.

Вдруг, будто зов сигнальной трубы, разнёсся над тайгой клик журавля.

Журавлиную побудку тут же подхватил дрозд-дереба.

Потом затянул свою бесконечную песенку зяблик.

И... будто невидимую запруду прорвало — грянули на разные голоса тысячи птиц.

От птичьего перезвона-переклички сразу проснулись все обитатели тайги.

Запрыгали по кедром длиннохвостые полосатые бурндуки и пушистые вёрткие белки.

Прижавшись к толстому сучку, сверкающими маленькими глазками озирает тайгу соболь, одетый в мягкую, пушистую, словно посеребрённую шубку.

Стрелой мелькнул и пропал в зелени горноста́й.

Звери и птицы, муравьи и пчёлы — все принялись за дело. Кто корм добывал. Кто еду впрок на долгую зиму готовил...

А лосиха стала учить лосёнка, как по запаху отличать траву вредную от травы полезной. И так увлек-

лась обучением своего малыша, что не заметила, как рядом на кедре появилась рысь.

Рысь походила на огромную серую кошку. Большие зелёные горящие глаза. Острые и крепкие, будто стальные, когти. На кончиках встопорщенных ушей болтаются кисточки.

Это была та самая рысь, которая вчера едва не сгубила лосёнка.

Припав к сучку, не спуская жарких глаз с лосей, рысь затаилась. В прорези приоткрытой пасти поблёскивали саблевидные влажные клыки.

Вот рысь взгорбила спину, подтянула к передним задние лапы и прыгнула на лосиху.

ЖЕНЯ ЖАРОВ — ЖЕЛЕЗНЫЙ БУРОВИК

Женя Жаров — шестилетний сын поварихи из буровой бригады мастера Геннадия Михайловича Лёвина.

Мастер Лёвин и прозвал Женю «железным буровиком».

Прозвище это так понравилось мальчику, что когда его спрашивали «Как тебя звать?», Женя горделиво отвечал:

— Женя Жаров — железный буровик.

Женин папа тоже работал в бригаде Лёвина. Вместе с мамой и папой Женя жил в маленьком вагончике-балке, здесь, на буровой.

Сама буровая вышка похожа на пирамиду высотой с одиннадцатизэтажный дом.

На буровой стоят машины, которые бурят в земле нефтяные скважины.

Нефть залегает глубоко под землёй. Чтоб добыть нефть, буровики сверлят скважины в земле. Иногда в полтора, а бывает, и в два с половиной, и в пять километров глубиной, пока не достигнут нефтеносного пласта.

По стальным трубам, вставленным в скважины, нефть поднимается из-под земли. Здесь её очищают от попутного газа, от соли, воды и других примесей и по нефтепроводам отправляют на заводы, где из нефти делают бензин и керосин, мазут и ещё многое, очень нужное и полезное людям.

Чем больше скважин пробурят буровики, тем больше вытечет из-под земли нефти, тем богаче будет наша страна. Ведь нефть — самое дорогое, самое важное топливо и сырьё.

Возле буровой вышки — маленький посёлочек. Тут и балки-вагончики, где живут рабочие. И котельная.

И склад. И вагончик-баня. И вагончик-медпункт. И вагончик-библиотека.

В буровой бригаде двадцать пять рабочих. Делятся они на четыре вахты. Сменяя друг друга, вахты работают круглые сутки.

Женя Жаров — железный буровик пока ни в какой вахте не числился. Это — невысокий худенький мальчик. Волосы на его голове — рыжие и всегда встопорщенные, как иголки у рассерженного ёжика. Нос у Жени — курносый, маленький, на нём зимой и летом желтели четыре веснушки.

Иногда буровой мастер Геннадий Михайлович Лёвин, надев на Женину голову свою каску, брал мальчика на буровую. Там Женя вставал рядом с бурильщиком и вместе с ним двигал ручку тормоза лебёдки. Ему разрешали даже потрогать огромный ключ, похожий на раскрытую звериную пасть. Этим ключом свинчивались и развинчивались трубы.

На буровой все любили Женю. И все звали его Женя Жаров — железный буровик.

«ТЫ КТО?»

Буровая стояла на таёжной поляне. Когда в тайге начинал цвести багульник, его пряный, терпкий аромат заглушал даже запах машинного масла и горячей солянки.

Из тайги пахло не только багульником, но и разогретой сосновой смолой, хвоей и прелью. Из тайги то и дело слышались пронзительные гортанные крики кедровки, уханье совы или частое «ку-ку».

Из тайги прилетали разноцветные бабочки, шмели и стрекозы. Приползали страшные рогатые жуки, которых Женя очень боялся. И даже змеи.

И всё равно тайга звала, манила мальчика. Бурундучьим посвистом и беличьим хрустом, шорохом трав, запахом поспевающих ягод.

Мама не раз строго-настрого запрещала Жене ходить в тайгу одному.

— Я буду тут. Я рядышком, — просительно говорил Женя и какое-то время действительно бродил вдоль опушки, на виду у всех.

Но вот он начинал погоню за бабочкой. Или видел необыкновенный цветок, бежал к нему и...

Женя наверняка давно бы заплутался в тайге, если бы не гул работающей буровой. По шуму буровой мальчик всегда находил обратную дорогу.

Гул буровой отпугивал зверей, и мальчику не грозила встреча ни с медведем, ни с рысью, ни с волком.

В это утро Женя не успел отойти далеко от буровой, как послышался треск сучьев.

Из чащи выскочил маленький жёлтый лосёнок. Крутнулся на месте и упал. Хотел подняться и не смог. Лишь тяжело поводил боками и натужно, хрипло дышал.

Подбежал Женя к лосёнку. Погладил лосёнка по голове, обтёр его мокрые бархатные губы. Тихо и участливо спросил:

— Ты кто?

Лосёнок рванулся, попытался встать, но опять не смог.

— Ты ушибся, да? Тебя напугали?.. — спрашивал Женя полуживого от страха лосёнка.

И вдруг закричал:

— Мама! Ма-а-а-ма!

Прибежала мама, прибежали рабочие. Обступили найдёныша.

Так появился на буровой лосёнок. Женя назвал лосёнка Рыжиком. И очень скоро Рыжик стал всеобщим любимцем и баловнем.

ЛЕЖНЁВКА

От бетонки — бетонной автомобильной дороги — до буровой Лёвина было всего десять километров. Но десять километров не посуху, а по топким болотам. Чтобы проехать по болоту, и построили эту лежнёвку.

Лежнёвку строят из брёвен. Кладут, как шпалы на железнодорожных путях, рядышком: к бревну — бревно, к бревну — бревно. Потом присыпают сверху песочком — и лежнёвка готова. Лежнёвка — ненадёжная, недолговечная дорога. Но всё-таки дорога...

В конце июня зарядили дожди и лили непрерывно шесть дней. Когда дождь стих, оказалось, что болота, по которым проложена лежнёвка, стали похожи на озёра. А на буровой очень ждали трубы. Мастер Лёвин вышел встречать трубовозы.

— Не проехать, — сказали водители трубовозов.

— Не проехать, — грустно согласился Лёвин, — а завтра трубы у нас кончатся. И буровая встанет...

...Когда начинают скважину бурить, на конце самой первой бурильной трубы устанавливают долото — похожее на огромный кулак приспособление, которое ввинчивается в землю, пробиваясь к подземным нефтяным пластам. Как только первая труба с долотом на конце целиком уйдёт в землю, на неё навинчивают ещё одну такую же трубу. Уйдут обе в землю, к ним привинтят третью. И так на всю глубину скважины. И если вдруг у буровиков не окажется бурильных труб — бурить дальше нельзя.

— Попробуем, — сказали водители трубовозов.
— Попробуйте, ребята, — сказал мастер Лёвин.
И сам пошёл по лежнёвке, впереди машин, проверяя, надёжна ли бревенчатая дорога.

Тяжёлые, неуклюжие трубовозы шли по лежнёвке, как по жёрдочке над пропастью. Намокшие осклизлые брёвна проседали под колёсами, выскальзывали из-под них. Водители напряжённо караулили малейший крен великанов-машин.

Двести метров не дошли трубовозы до буровой.
Всего двести метров.

Перед радиатором остановившегося разгорячённого трубовоза пузырилась коричневая вода.

— Не пройти, — сказали водители.

— Не пройти, — согласился Лёвин.

КРАСНЫЕ ФЛАЖКИ

Пятнадцать бурильщиков, слесарей, дизелистов понуро столпились вокруг своего бригадира — мастера Лёвина.

Что им было делать?

Останавливать буровую и ждать, может, неделю, а может, две недели, пока схлынет вода, придут дорожники, починят лежнёвку и по ней, наконец-то, подвезут бурильные трубы?

Или, кинув на плавающие, вертящиеся, скользкие брёвна мостки, попробовать перетаскать трубы на себе?

Каждая труба весит почти четыреста килограммов. Если нести трубу вчетвером, и то придётся по сто килограммов на одно плечо.

А перетаскать надо не десять — сто труб.

— Как, ребята? — спросил Лёвин рабочих. — Будем ждать? Или всё-таки рискнём?

Рабочие молчали.

— Я-а-асно-о, — понимающе протянул Лёвин. — Тогда что ж... Нас тут четверо коммунистов. Мы и пойдём. Так, товарищи?

— Так, — сказал Сабиров.

И встал рядом с Лёвиным.

— Так, — проговорил Женин отец.

И тоже встал рядом с мастером.

И четвёртый коммунист Иван Петров тоже встал рядом с Лёвиным.

Тут и Женя Жаров — железный буровик встал с отцом рядом.

207224

Тюменская областная
научная
библиотека

— Ты куда собрался? — спросил его Лёвин.
— Я — с вами.
— Вот что, — сказал, улыбаясь, мастер Лёвин, — считать умеешь?
— Умею... до десяти...
— Отлично! — обрадовался Лёвин. — Дам тебе десять красных флажков. Стой на бугре и считай принесённые трубы. Как насчитаешь десять — втыкай в бугор флажок. Десять флажков воткнёшь, кричи «Ура!».

У Р А - А - А!

Когда четверо стали ладить мостки, приколачивая доски к всплывшим брёвнам лежнёвки, остальные стояли на бугре — смущённые и чуточку растерянные.

Стояли и молчали, глядя на работающих товарищей.

Первым заговорил самый старший из них, кочегар котельной дядя Вася. Он сказал:

— Какой же мы рабочий класс, ребята, если бросим товарищей в беде? Где же наша рабочая спайка?

— Что такое спайка? — высунулся с вопросом Женья.

— Значит, дружба. — Поворотился к рабочим: — Как хотите, товарищи, я — к ним.

И пошёл помогать Лёвину и тем троим, что ушли первыми.

— А мы разве не из этого теста сделаны? — сказал молодой верховой, бородатый весёлый Саша. — Все возьмёмся, а?

Четверо брали на плечи одну трубу и медленно, след в след, шли по узенькому дощатому настилу, под которым бурлила и клокотала коричневая вода, пузырилась и хлюпала болотная трясина.

Когда кто-нибудь оступался с мостков в тонкое жидкое месиво, ему протягивали руки. Помогали вскарабкаться на настил. И снова четвёрка несла тяжёлую стальную поклажу к буровой. Медленно. Короткими, размеренными шагами. След в след.

А Женя с Рыжиком стояли на бугре.

— Ты мне не мешай, — ласково говорил Женя другу, — а то я собьюсь.

Когда подле вышки положили первые десять труб, Женя воткнул в бугор первый красный флажок. Потом второй. Потом третий.

Глядя на весёлую шеренгу красных флажков, на Женю и на лопоухого Рыжика, рабочие улыбались — легче казалось им четырёхсоткилограммовая ноша на плечах и путь по скользким, уходящим из-под ног доскам.

КРЫЛАТЫЙ ДОКТОР

Размеренно гудела работающая буровая.

Грохотала могучая лебёдка, спуская бурильные трубы в скважину.

Одна за другой уходили и уходили под землю двенадцатиметровые трубы. Всё длинней становилась составленная из них металлическая змея с вертящейся роющей головкой на конце.

Через каждые восемь часов менялись вахты буровиков.

Дымила котельная.

Дымила кухня, где Женина мама, повариха Валя, варила для рабочих борщ, пекла пирожки с грибами и с капустой, стряпала блины и шанежки.

А Женя Жаров — железный буровик вместе с Рыжиком собирал в тайге малину и смородину, голубику и чернику. Завтра мама сварит из ягод варенье и кисель. А рабочие будут есть и похваливать, и благодарить за усердие Женю Жарова — железного буровика.

Вдруг Женя обнаружил, что пропал Рыжик.

Он всё время крутился подле Жени, когда тот обирал куст чёрной смородины. Крутился, крутился — да вдруг исчез.

Напрасно звал его Женя. Напрасно искал. Нет Рыжика!

— Может, в тайгу ушёл, — вслух подумала мама.

— Он уже вырос, не пропадёт, — попытался успокоить Женю папа.

— Нет! — плакал Женя. — С Рыжиком беда...

— Может, и впрямь беда, — согласился мастер Лёвин. — Давайте, кто свободен от вахты, соберёмся и поищем Рыжика.

Лосёнка нашли.

То ли неудачно прыгнул маленький глупый Рыжик. То ли ненароком угодил ногой в чью-то нору. Только нашли его со сломанной передней ногой.

Нашли и принесли на буровую.

— Тут нам самим не справиться, — сказал мастер Лёвин, ощупав повреждённую ногу Рыжика.

Сказал и ушёл в свой балок. Включил рацию. Настроился на нужную волну. Взял в руки микрофон и заговорил:

— База... База... База... Как меня слышите? Как слышите?... Приём...

— Слышу хорошо, Геннадий Михайлович... Хорошо слышу, — откликнулись с базы. — Что случилось?.. Приём...

А Женя в это время сидел подле больного Рыжика. Кормил лосёнка хлебом и уговаривал не плакать. А сам плакал.

— Не горюй, Женя, — сказал, подходя к ним, Геннадий Михайлович. — Сейчас прилетит доктор и вылечит твоего Рыжика.

Прошло часа три, и над буровой завис маленький краснобокий вертолёт. Покружившись, сел на поляну рядом с буровой вышкой. Высокий усатый человек с чемоданчиком сказал:

— Где ваш больной? Показывайте.

Забинтовал врач Рыжику больную ногу. Наложил

поверх бинта гипсовую повязку. И запретил лосёнку вставать.

Рыжик доктора не слушается. Бьётся и всё норовит подняться на ноги.

Пришлось подвешивать его на ремнях, чтобы ноги до земли не доставали. И пока не зажила нога, Женя кормил друга хлебом и свежей душистой травой, поил родниковой водой.

БУРОВАЯ МОЛЧИТ

Буровая бригада Геннадия Михайловича Лёвина считается самой лучшей во всём Советском Союзе. Но и в такой знаменитой бригаде случаются неполадки.

Сидел Лёвин в столовой, обедал. Разговаривали, шутили буровики, подтрунивали над Женей, который тоже обедал за одним столом с отцом и матерью.

Женя первым и услышал, что буровая вдруг замолкла.

— Почему буровая молчит? — спросил он.

Все прислушались. В самом деле, молчит. Что случилось?

Тут вбежал бурильщик Сабиров.

— Беда, Геннадий Михайлович! Прихват!

Вскочили рабочие из-за столов и вслед за Лёвиным побежали на буровую.

Женя тоже выскочил из столовой, не доев супа.

Забежал в загон, где стоял Рыжик, и, обняв его за шею, сказал:

— Бежим скорее на буровую. Там беда. Прихват!
Бывает, что где-то на глубине начинают крошиться
стенки скважины. Комья обрушившейся породы так
зажимают стальную трубу, что та — ни вверх, ни вниз.
Это и называют буровики — прихват.

НЕФТЯНАЯ ВАННА

Столпились рабочие на площадке буровой вышки
и ждут, что прикажет мастер. Но Геннадий Михайло-
вич с приказом не спешит.

Оглядел трос. Ощупал взглядом приборный щит. Негромко скомандовал:

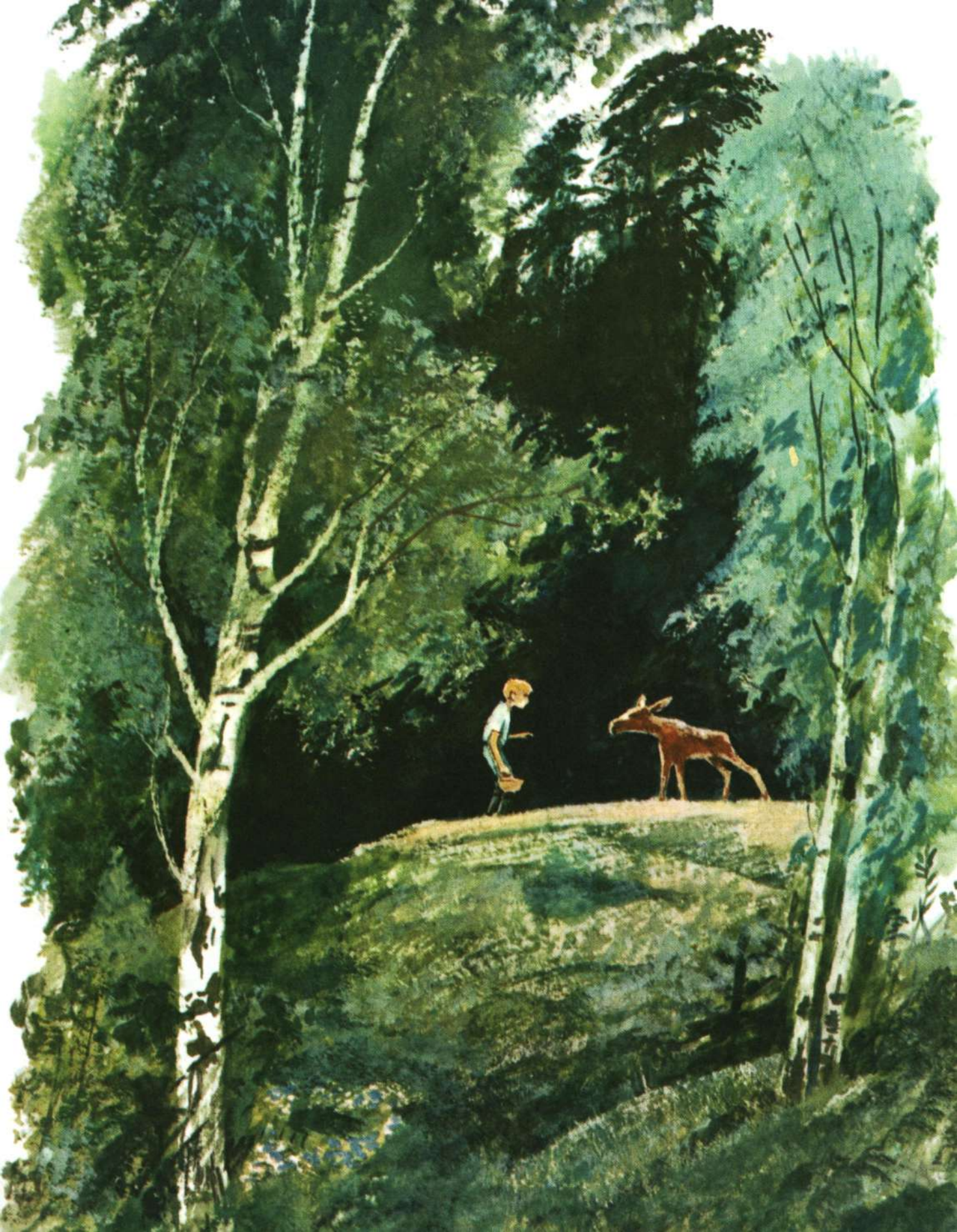
— Сергей, Алёша! Живо меняйте трос. Ваня, готовь нефтяную ванну...

Готовить нефтяную ванну — значит, в скважину, где застряли трубы, налить нефть. От нефти станут мягче обвалившиеся в скважине комья породы. А трубы сделаются скользкими и их легче будет выдернуть.

Бывает, застрявшие в скважине трубы рвутся, когда их начинают вытаскивать. И если не выловить и не вытащить из скважины обрывки труб, скважина погибла — начинай бурить новую.

Но в этот раз нефтяная ванна помогла. Трубы вытащили.

Беда миновала.

ПРОЩАЙ, РЫЖИК!

Скважину добурили до отметки, то есть до того самого пласта, в котором миллионы лет томилась под землёй нефть.

Потом вышку передвинули на три метра и пробурили на этой таёжной поляне шестнадцать скважин.

Когда бригада Лёвина кончила бурить последнюю, шестнадцатую скважину, кончилось лето.

Тайга потемнела.

С берёз, рябин, осин и черёмух, что росли по таёжным опушкам, осыпалась золотая, жёлтая, красная листва.

Налились соком и стали сладкими рябиновые гроздья.

Пожух, почернел и полёг багульник.

Грустно шуршала на ветру высохшая, ломкая, бурая осока.

Осень стёрла все краски летней тайги, оставив нетронутым только зелёный цвет.

Холодные ветры и дожди загнали таёжных обитателей в дупла и норы, где давно уже были запасены сушёные грибы, ягоды, орехи на долгую сибирскую зиму.

Белки заделывали последние трещинки в дуплах, чтоб ни морозу, ни снегу туда ходу не было.

Бурундуки и барсуки маскировали входы в норы, рыли запасные выходы.

А хозяин тайги — медведь улёгся в огромную берлогу, где и будет спать-посыпать всю зиму, посасывая свою лапу да поглядывая сны.

Пришла пора и буровой бригаде Геннадия Михайловича Лёвина перебираться на новое место. А Рыжика решили отпустить в тайгу.

Теперь это был не маленький глупый лосёнок, а большой гордый лось, который мог сам себя прокормить. Мог за себя постоять.

— Беги, Рыжик, — сказал Геннадий Михайлович Лёвин. — Будь сильным и смелым.

— И меня не забывай, — сквозь слёзы проговорил Женья.

— Волку в лапы не попадай, — сказал Сабиров.

— Не хворай, — добавила Женина мама.

Рыжик постоял немного, словно в раздумье. Понюхал воздух. Пошевелил большими ушами. Вскинул красивую голову и, коротко протрубив, скрылся в густом пихтаче.

С Л О В О М А С Т Е Р А

Много нефти добывают нефтяники нашей страны. Больше половины всей этой нефти добывают здесь, на севере Западной Сибири, в глухом прежде краю — в Тюменской области. Нефтяная река вытекает из-под земли по десяти тысячам скважин, которые пробурили буровики. Каждая двадцатая из действующих нефтяных скважин пробурена бригадой Геннадия Михайловича Лёвина. Недаром сияет на груди Лёвина Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Когда Геннадий Михайлович узнал, что о его буровой бригаде будет написана вот эта книжка, он решил сказать вам, ребята, вот что:

— Дорогие, малыши! Многие из вас, наверное, только собираются стать школьниками, а кое-кто — уже октябрёнок. Сколько ещё не прочитанных книг у вас впереди! Сколько не пройденных дорог, не зажжённых пока пионерских костров, весёлых утренних песенок горна! Сколько не выученных правил, не решённых задач и примеров...

Наступит день, когда пора будет выбирать — кем стать? Строителем? Геологом? Токарем? Учителем? Всё — интересно!

Да, всё интересно, если знаешь, что твоё дело необходимо твоей стране, твоему народу, твоим товарищам, тебе.

Тебе, чтобы чувствовать себя настоящим человеком — сильным, гордым, умелым, добрым.

Рабочим человеком!

для младшего школьного возраста
Константин Яковлевич Лагунов
ЗДРАВСТВУЙ, ТЮМЕНСКАЯ НЕФТЫ!
Художник С. Трофимов

ИБ № 1147

Редактор И. Куражкина. Художественный редактор О. Ведерников. Технический редактор О. Кистерская. Корректор Н. Пьянкова. Сдано в набор 15.06.81. Подписано в печать 22.01.82. 84X108¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Гарнитура Журн.-русл. Печать офсет. Усл. печ. л. 3,4. Усл. кр.-отт. 14,85. Уч.-изд. л. 3,28. Тираж 150 000 экз. Изд. № 1148. Заказ № 1126. Цена 25 коп. Издательство «Малыш». Москва, К-55, Бутырский вал, 68. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.